

Там, где кончаются цифры, начинается магия...

Вероника Пендлтон

и шёпот из глубины

Агата Сомнович

Агата Сомнович Вероника Пендлтон и шёпот из глубины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73245788

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если сны имеют вкус? Вероника Пендлтон знает ответ – она стажёр в тайном Бюро Найденных Снов. Её мир – это вкус страха, запах грусти и шепот забытых грёз. Но в идеально упорядоченную реальность врывается загадочный сигнал: настойчивое тик-пауза-тик-тик-пауза, спрятанное в обрывках сновидений.

Вместе с гениальным механиком Максом и пушистым диверсантом Пушем Веронике предстоит отправиться в царство бездушной статистики, бросить вызов догмам и столкнуться с ледяным наследником могущественного Аудита. Они ищут источник сигнала, а находят нечто большее – тихий крик о помощи из самого сердца мира снов.

Теперь от них зависит всё. Потому что если они ошибутся, то не просто провалят задание. Они навсегда усыпят последнюю надежду.

Содержание

ГЛАВА 1. ПЯТНИЦА, СОН ПРО БРОШЕННЫЙ БАШМАЧОК И СТРАННОЕ ПОВТОРЕНИЕ	4
ГЛАВА 2. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: ЦИФРЫ, КОНФЕТКИ И НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ	12
ГЛАВА 3. ВТОРОЙ ДЕНЬ: ШАРФИК, СЛЕПОЙ ТЕСТ И ВОЙНА МЕТОДОЛОГИЙ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вероника Пендлтон и шёпот из глубины

ГЛАВА 1. ПЯТНИЦА, СОН ПРО БРОШЕННЫЙ БАШМАЧОК И СТРАННОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Жизнь Вероники Пендлтон обрела новый, удивительный ритм, похожий на сложное, но гармоничное музыкальное произведение. Вернее, на торт «Наполеон» – много слоёв, и все разные, но вместе – восхитительно. Утром – школа, с её запахом мела, чернил и булочек из столовой. Днём – короткая пауза на обычную, «внешнюю» жизнь. А после – истинный мир. Мир, вход в который скрывался за кирпичной стеной в их же дворе, под цифрой «7», нарисованной когда-то её бабушкой, Агатой Пендлтон.

Прошёл целый год с того дня, как она нашла билет. Год, который превратил застенчивую, скучающую девочку в стажёра-классификатора Бюро Найденных Снов с первой категорией допуска (и даже маленькой, но гордой бронзовой бляшкой на груди, гласившей: «В. Пендлтон. Отдел возвращения. Сенсорный анализ»).

Родители... родители знали. Не всё, конечно. Не про яд-

ро вселенной и не про звёздные сны. Но знали, что у дочери особый дар, вроде бабушкиного, и что она помогает в «частном архиве», где работают чудачки, изучающие сновидения. Они видели, как она изменилась: стала увереннее, в глазах появился огонёк, а в речи – твёрдость. Они слышали её разговоры по телефону с каким-то «Максом» о «резонансе шестерёнок» и «вкусовой палитре кошмаров». Сначала волновались, потом – приняли. Папа даже подарил ей блокнот в кожаном переплёте для «полевых заметок». А мама полюбила Пуша, их пушистого системного анализатора, который теперь считал квартиру Пендлтонов своим филиалом и воровал носки для своего гнезда под кроватью Вероники.

Сегодняшний день, пятница, обещал быть спокойным. В Бюро царила пред уикендная лень. Мистер Снович, начальник дневной смены, разбирал неотложную почту, лениво отбрасывая в сторону сны-открытки с курортов (слишком банально, отправлять в общий фонд). Глафира, архивистка с причёской, в которой постоянно пропадали её очки, пила чай с бергамотом и зачем-то чистила персик маленьким серебряным ножичком. Макс, её лучший друг и гений-механик, копошился где-то в Цехе реставрации, что-то выпиливая лобзиком, который пел тоненькую, сонную песенку.

У Вероники на столе №13 (той самой, с подпиленной ножкой) лежала небольшая папка. Несрочное дело. То, что здесь называли «лёгкой разминкой».

ДОСЬЕ: Сон-фрагмент № 332-В

Объект: Одиночный детский ботинок (левый), бархатный, тёмно-синий, со стёртым носком.

Контекст: Обнаружен прикреплённым к «Сну о первом дне в школе». Легко отделился. Самостоятельной ценности не представляет, но подлежит атрибуции для пополнения каталога «Обувные грёзы».

Задача: Определить возможного владельца или типичный эмоциональный окрас.

Вероника открыла коробочку из-под леденцов, где хранился сон. Там лежал крошечный, полупрозрачный бархатный башмачок. Он был холодным на ощупь и пах... снегом? Нет, скорее, мокрым асфальтом и грустью. Она осторожно коснулась его кончиком языка

Вкус был простым и ясным: ванильная глазурь с марципановой розочкой (день рождения), ощущение лёгкой зависти (у кого-то были блестящие туфельки), а потом – резкая нота потери, досады. И образ: ступеньки крыльца, сугроб, и этот самый башмачок, летящий куда-то в темноту.

– Эх, – вздохнула Вероника вслух. – Потерял кто-то новую обувь в зимний праздник. Обидно.

Пуш, дремавший на стопке бланков, открыл один глаз, обнюхал воздух и чихнул. Облачко пыли сложилось в нечто, отдалённо напоминающее ёлку.

– Да, наверное, около ёлки и потеряли, – кивнула Вероника. Она уже собиралась сделать запись в папке («Сон-фрагмент. Потеря. Детская досада. Отправить в общий фонд

«Мелкие грусти»), как её внимание привлекла одна деталь.

Она снова «попробовала» сон. И там, в самом послевкуссии, едва уловимая, была ещё одна нота. Не эмоция. Не память. Что-то... структурное. Ритмичное. Как будто в фоновом шуме этого детского огорчения кто-то тихонько, раз за разом, стучал по одной и той же клавише метронома. Такт-пауза-такт-такт-пауза.

Странно. Обычно во сне всё было хаотично, текуче. А это – чёткий, повторяющийся узор. Как сигнал.

– Макс! – позвала Вероника. – Иди сюда на секунду!

Из-за стеллажа появился Макс в промасленном фартуке, с защитными очками на лбу. – Что случилось? Башмак напал?

– Послушай, – сказала Вероника и описала ощущение. – Как будто в него вшит какой-то... ритм. Очень ровный. Не сонный.

Макс нахмурился, снял очки и взял башмачок в руки. Он не пробовал на вкус (его дар был иным – тактильным, он чувствовал «устройство» вещей), а просто поднёс к уху, закрыв глаза.

– Ты права, – сказал он через минуту. – Есть фоновая вибрация. Очень слабая, на грани восприятия. Но она... искусственная. Не органическая. Похоже на... на азбуку Морзе, только не из точек и тире, а из импульсов разной длины. Интересно.

В этот момент к ним подкатил на своей вечной стремянке Мистер Снович. – А, Пендлтон, Арефьев! Как раз вас

ищу. – Он выглядел немного озадаченным, размахивая листком плотной, официальной бумаги с печатью. – Пришло распоряжение из Координационного Совета Смежных Некоммерческих Архивов. Знакомое словосочетание?

Вероника и Макс переглянулись и покачали головами.

– Я тоже первый раз слышу, – признался Снович. – Но печати настоящие, пахнут совиными перьями и бюрократией. В общем, нас – то есть наше Бюро – обязывают провести «обмен профессиональным опытом и гармонизацию методов каталогизации» с другим учреждением.

– Каким? – спросила Вероника.

– «Бюро Сновиденческой Статистики и Эффективности», – с некоторым отвращением прочёл Снович. – БССЭ. Их центральный офис в трёх часах езды на электричке. – Он смерил их взглядом. – Выбор пал на вас двоих. Как молодых, перспективных и... наименее зашоренных сотрудников. Вы поедете туда на следующей неделе. На три дня. В качестве гостей-стажёров.

– Бюро... статистики? – скептически протянул Макс. – Они что, сны в таблицы заносят?

– Боюсь, что да, – вздохнул Снович. – Но приказ есть приказ. Считайте это... расширением кругозора. А пока, – он ткнул пальцем в башмачок, – что это у вас? Какие-то новые колебания?

Вероника коротко объяснила. Снович послушал, попробовал сам (поморщился) и почесал затылок, взъерошивая и

без того беспокойные волосы.

– Странно. Очень странно. Но единичный случай – не закон. Закон – это когда таких случаев минимум три. Заведите-ка новую папку, Пендлтон. Под условным названием «Аномальные ритмические вкрапления в сновиденческий материал». И будьте начеку. Если попадётся ещё что-то подобное – сразу мне. А теперь, – он сунул ей официальное письмо, – готовьтесь к поездке. Вам нужно будет представить наш метод работы. И, ради всего святого, не говорите там про «вкус страха» или «чихающих хорьков». Говорите про «сенсорный анализ» и «био-детекцию». Договорились?

Когда Снович удалился, Вероника и Макс снова склонились над башмачком. Повторяющийся ритм теперь казался не просто странностью, а... зацепкой. Первой ниточкой.

– Знаешь, – тихо сказала Вероника, – мне кажется, эта поездка в бюро статистики может быть не такой уж скучной. Что, если они тоже сталкивались с таким?

– Сомневаюсь, – фыркнул Макс. – Они, наверное, даже сны на вкус не пробуют. У них, наверное, всё по графикам и процентам. Но... проверить стоит.

Пуш, тем временем, решил, что разбираться с башмачком скучно. Он стащил со стола Глафиры очищенный персик и с триумфом понёс его прятать в свою загадочную норку под столом №13.

Вероника улыбнулась. В её жизни были слои: школа, Бюро, тайна башмачка, предстоящая командировка в неизвест-

ное, и воруящий фрукты хорёк. И этот коктейль был куда интереснее пресной овсянки её прошлого.

Она аккуратно закрыла коробочку с ботинком, но в уме уже крутился тот назойливый ритм. Такт-пауза-такт-такт-пауза. Он был похож на вопрос. Или на зов, доносящийся из-за плотно закрытой двери. Вероника отложила коробочку в сторону, к папке с грифом «На дополнительное изучение». Разгадке этого тихого стука предстояло подождать до понедельника.

А пока – пятница. Длинные тени от стеллажей ложились на каменный пол, пылинки танцевали в лучах закатного света, пробивавшегося сквозь высокое витражное окно. Глафира, смирившись с потерей персика, заварила новый чайник. Макс заглушил лобзик, и теперь из Цеха доносилось только размеренное постукивание молоточка. Даже вечно суетливый Мистер Снович, закончив с почтой, устроился в своём кресле-качалке с потрёпанным фолиантом, изредка попивая что-то из термоса, сладко пахнущего корицей.

Пуш, насытившись персиком, устроил себе гнездо из обрывков бумаги под столом и сладко посапывал, подрагивая во сне усами.

Вероника сделала последнюю запись в отчёте, поставила папку на полку «Выполнено» и потянулась. Тихий, мелодичный гул Бюро – шёпот снов, поскрипывание полок, отдалённый перезвон стеклянных сосудов – был лучшей музыкой для завершения недели. Таинственный ритм из бархатного

башмачка тихо пульсировал где-то на задворках сознания, но он никуда не денется. Как и поездка в какое-то бюро статистики. Всё это было завтра. А сегодня был просто хороший, спокойный вечер в самом необычном месте на земле.

Она погладила спящего Пуша по пушистой спинке, собрала свои вещи и, помахав на прощание Глафире, направилась к выходу. Её ждал ужин дома, возможно, парочка скучных школьных заданий и долгий, безмятежный сон. Свой собственный. Без всяких загадочных ритмов.

Кирпичная стена с мягким вздохом пропустила её во двор, где уже пахло вечерней прохладой и дымком из соседских труб. Вероника взглянула на окна своего дома, где горел тёплый, жёлтый свет. Завтра будет новый день, полный своих загадок. Но и сегодняшний, обычный и прекрасный, был прожит не зря.

ГЛАВА 2. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: ЦИФРЫ, КОНФЕТКИ И НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Поездка в Бюро Сновиденческой Статистики и Эффективности началась с того, что Макс опоздал на электричку на семь минут, потому что «допиливал стабилизатор ауры для сна о заикающемся паровозике». Веронике пришлось ехать одной, что её слегка нервировало. Официальное письмо лежало в рюкзаке, Пуш сопел в переноске (он ехал как «биодетектор первой категории», согласно справке, которую за чем-то выписал Мистер Снович), а за окном мелькали унылые осенние поля.

Само Бюро оказалось не в каком-то таинственном переулке, а в современном, стеклянно-бетонном здании на окраине города, в так называемом «Академгородке Сновиденческих Исследований». Вывеска «БССЭ» висела рядом с Институтом Психофизиологии и Нейролингвистического Анализа. Воздух в вестибюле пах не старыми книгами и грёзами, а антисептиком, свежей краской и кофе из автомата.

Веронику встретила сухая, подтянутая женщина в строгом костюме, представившаяся заместителем директора по межведомственному взаимодействию, Ларисой Петровной.

«Мисс Пендлтон, мы вас ждали. Программа обмена со-

ставлена. Сегодня – общее знакомство с нашей методологией и вводное тестирование, – отчеканила она, ведя Веронику по белым, бесшумным коридорам. – Для гостей из... менее формализованных учреждений у нас предусмотрены адаптационные задания».

Стены здесь не были заставлены стеллажами. Вместо них висели мониторы, на которых бежали столбцы цифр, диаграммы и графики с названиями вроде «Динамика кошмарной активности по районам за квартал» или «Коэффициент возврата снов-посланий в разрезе дней недели».

«Для вашего удобства и полного погружения, вы и ваш коллега Арефьев (когда он присоединится) будете размещены в нашем кампусном общежитии для молодых специалистов и студентов магистратуры Института, – продолжала Лариса Петровна. – Это позволит вам лучше прочувствовать корпоративную культуру».

Они вошли в отдел «Сектор первичной обработки и классификации». Это был огромный зал, где за столами-капсулами сидели люди в наушниках с шумоподавлением и, не отрываясь, смотрели на экраны. На этих экранах плыли, как на УЗИ, размытые, бесцветные контуры – визуализации снов, лишённые каких-либо красок или деталей.

«Мы применяем машинный анализ, – пояснила Лариса Петровна. – Сон оцифровывается, разбивается на спектры: эмоциональный (по шкале от -10 до +10), сюжетный (каталогизируется по библиотеке из 10 000 базовых нарративов),

продолжительность, интенсивность. Никакого субъективизма. Только данные. Наш лучший молодой аналитик ознакомит вас с процессом».

Она подвела Веронику к одному из столов. За ним сидел парень, на вид её ровесник, в идеально чистых очках в тонкой металлической оправе. Его светлые волосы были аккуратно подстрижены, а взгляд, который он удостоил Вероники, был быстрым, оценивающим и совершенно лишённым тепла. На бейдж красовалось: «Денис Королёв. Аналитик 2-й категории. Магистрант ИПНА».

«Пендлтон. Прочитал предварительные материалы по вашему... заведению, – произнёс он ровным, немножко высокомерным голосом, не протягивая руки. – «Сенсорный анализ». Интересная, хотя и абсолютно ненаучная практика. Надеюсь, здесь вы увидите, как работает настоящая методология».

«Я с нетерпением жду, когда цифры попробуют сон на вкус и расскажут, пахнет ли он корицей или страхом, – парировала Вероника, чувствуя, как внутри всё съёживается от его тона.

«Эмоции – это просто химические процессы, – отрезал Денис, поворачиваясь к монитору. – Их можно измерить. А ваши «вкусы» – не более чем синестезические помехи, не заслуживающие доверия. Но раз уж вы здесь, начнём с базового теста. Упрощённая версия для новичков».

Он достал из ящика стола небольшой металлический

контейнер. «Стандартизированный образец. Сон-эталон №7 «Радость». Ваша задача, используя свои методы, описать его. Я, параллельно, получу данные с прибора и мы сравним. Если ваше описание совпадёт с машинным анализом более чем на 60% – вы справились».

Вероника взяла холодный контейнер. Внутри мерцала бледная капля света. Она прикоснулась языком. Вкус был... предсказуемо сладким, с нотами цитруса и чего-то воздушного, похожего на зефир. Очень просто.

«Детская радость, – сказала она. – От небольшого подарка. Сладость, ощущение невесомости. Возможно, воздушный шарик».

Денис щёлкнул мышкой. «Машинный анализ: положительный эмоциональный индекс +7,5. Отнесён к категории «простая радость». Сопутствующие образы: конфета, полёт. Совпадение по ключевым маркерам: 78%. Неплохо для начала. Для дилетанта».

Вероника стиснула зубы. «Спасибо за лестную оценку». «Не за что. Задание два. Посложнее, – Денис достал другой контейнер. – Смешанные эмоции. Сон-эталон №23».

На этот раз вкус был сложнее: терпкий, как зелёное яблоко, с горьковатым послевкусием и тёплой, бархатистой нотой. «Это... гордость, смешанная со стыдом, – сказала Вероника после паузы. – Кто-то добился чего-то, но не совсем честно. Или понимает, что добился, причинив боль другому».

На лице Дениса мелькнуло что-то вроде лёгкого удивления. Он посмотрел на экран. «Эмоциональный индекс: +3 и -2 одновременно. Конфликт самооценки. Категория: «амбивалентный триумф». Совпадение: 81%. Любопытно».

«Задание три, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучал вызов. – Не эталон. Реальный, «сырой» сон из поступающей партии. Никаких подсказок».

Контейнер был тяжелее. Вкус ударил резко и неприятно – металл, лекарственная горечь, ощущение скованности. «Медицинский кошмар, – быстро сказала Вероника, морщась. – Страх перед процедурой. Ощущение беспомощности. Холод».

Денис молча смотрел на графики, которые строил компьютер. «Эмоциональный индекс: -8,5. Доминирующие кластеры: «здоровье», «ограничение свободы». Отнесён к группе «ятрогенные тревоги». Совпадение: 89%». Он откинулся на стуле и снял очки, чтобы протереть их. «Вы... на удивление точны. Для вашего примитивного метода».

«Спасибо, – сказала Вероника, на этот раз с искренней улыбкой. – Значит, мои «синестезические помехи» что-то да значат».

«Не торопитесь с выводами, – Денис снова надел очки, и его лицо вновь стало непроницаемым. – Точность на трёх примерах – не статистика. Это может быть везением или хорошей интуицией. Чтобы это имело научную ценность, нужны сотни, тысячи повторяемых результатов. А теперь, если

вы закончили свои... дегустации, у вас запланирована экскурсия в архив цифровых копий. Я провожу вас».

Экскурсия была такой же скучной, как и всё здесь. Бесконечные серверные стойки, тихий гул кулеров, мониторы с бегущими строками кода вместо переливов снов. Вероника с тоской вспоминала свой родной зал с его шелестящим бархатом, шуршащей бумагой и Пушом, снующим между стеллажами.

К вечеру, когда уже смеркалось, к Бюро на такси наконец-то прикатил Макс с огромным чемоданом инструментов. Его сразу же повели «на процедуру досмотра оборудования», а Веронику с Пушем под расписку передали сотруднику, который должен был отвести их в общежитие.

Общежитие, носившее гордое название «Кампус Сновидца», оказалось длинным, панельным зданием в стиле «унылый функционализм». Внутри пахло студенческой столовой, дезинфекцией и чужими жизнями. Их комната, которую Веронике предстояло делить с неизвестной соседкой-практиканткой, была маленькой, но чистой. Две кровати, два стола, шкаф. На стене висел странный плакат с диаграммой «Фазы сна и продуктивность».

Пуш, выпущенный на свободу, немедленно начал масштабное исследование территории, заглянув под все кровати и в каждый угол.

«Ваш коллега Арефьев будет в комнате напротив, с Королёвым, – сообщил сопровождающий. – Это стандартная

практика – размещать гостей с нашими сотрудниками для лучшей интеграции».

Вероника мысленно посочувствовала Максу. Делать вид, что спишь в одной комнате с Денисом, должно быть, сродни пытке.

Не успела она распаковать вещи, как в дверь постучали. На пороге стоял сам Денис, уже без лабораторного халата, в строгих домашних трениках и с планшетом в руках.

«Пендлтон. Завтра программа начинается в 8:00. Не опаздывайте. И, – он бросил неодобрительный взгляд на Пуша, который в этот момент с триумфом вытащил из-под чужой кровати запылённый носок, – контролируйте своё животное. В правилах внутреннего распорядка пункт 4.7: «Содержание питомцев, не прошедших санитарно-эпидемиологический контроль, запрещено».

«Пуш прошёл контроль у нас, – сказала Вероника. – У него даже бейджик есть. «Системный анализатор».

«Я видел эту бумажку. Она недействительна, – холодно ответил Денис. – Впрочем, это ваша ответственность». Он развернулся и направился к своей комнате.

Прошло пару часов. Вероника поужинала в столовой кампуса (безвкусная гречка с котлетой, на вкус – серая тоска), встретила с Максом, который был в ярости от того, что у него из чемодана изъяли «потенциально небезопасные паяльники неизвестного образца». Они договорились выживать вместе.

Поздно вечером, когда в коридоре стихли шаги, Вероника готовилась ко сну. Пуш уже устроился на своей лежанке, но что-то явно беспокоило его. Он ворочался, принюхивался и смотрел в сторону двери.

«Что такое, дружок? Чужой носок не даёт покоя?» – прошептала Вероника.

Внезапно Пуш сорвался с места и юркнул в щель под дверью в коридор. Через секунду Вероника услышала сдавленное восклицание, звук падения чего-то металлического и знакомое довольное фырканье.

Она выскочила в коридор. Денис, в пижаме и теперь уже без очков (что делало его лицо удивительно юным и растерянным), стоял на коленях, подбирая с пола опрокинутый... поднос. На полу вокруг него растекалась лужица какого-то густого, желеобразного вещества неопределённого цвета, усеянная ломтиками фруктов и орешками. Это было похоже на супер-здоровый, супер-скучный десерт.

Пуш сидел в метре от катастрофы, невинно вылизывая лапку. Но Вероника знала этот взгляд – взгляд идеально выполненной миссии.

«Это... это что?! – прошипел Денис, тыча пальцем в Пуша. – Он... он напал на меня! Я шёл из общей кухни!»

«Пуш не нападает, – сказала Вероника, изо всех сил стараясь не рассмеяться. – Он... исследует среду. Возможно, его привлёк необычный... запах вашего ужина». «Запах» был сказано очень мягко.

«Это был протеиновый кисель с витаминным комплексом! Идеальный перекус перед сном для поддержания когнитивных функций! – Денис был вне себя. – А это... это животное... оно мне всё испортило!»

«Я уверена, он хотел только помочь с анализом, – не удержалась Вероника. – Может, обнаружил в вашем киселе аномалию?»

Денис вскочил, весь красный от возмущения. «Это не смешно, Пендлтон! Завтра же я напишу рапорт о нарушении! Ваш «анализатор» будет изолирован!»

Он развернулся и, стараясь сохранить достоинство, зашлёпал в свою комнату, оставив на полу липкое месиво.

Вероника забрала довольного Пуша, прибрала за ним (кисель оказался на удивление вязким и пах, на вкус... полным отсутствием вкуса, как картон), и закрылась в своей комнате.

«Ну и дела, Пуш, – прошептала она, глядя его по голове. – Ты, конечно, герой, но теперь у нас тут личный враг».

Пуш фыркнул, свернулся клубочком и почти мгновенно заснул. А Вероника ещё долго лежала, глядя в потолок, и думала о том, что следующие два дня обещают быть очень, очень долгими. И, несмотря на Дениса, кисель и унылые графики, в глубине души она чувствовала лёгкое, азартное покалывание. Игра только начиналась.

ГЛАВА 3.

ГЛАВА 3. ВТОРОЙ ДЕНЬ: ШАРФИК, СЛЕПОЙ ТЕСТ И ВОЙНА МЕТОДОЛОГИЙ

Утро второго дня началось с сытной измены. Вероника не обнаружила Пуша на его лежанке. Паника, сменившаяся догадкой, привела её по следу мелких пушистых лапок (и пары рассыпанных по пути крошек) прямым в столовую кампуса, которая в шесть утра уже благоухала чем-то съестным и человеческим.

Картина, открывшаяся её глазам, стоила того, чтобы встать так рано. За прилавком, где обычно раздавали ту самую тоскливую гречку, стояла крупная, краснощёкая женщина в белоснежном колпаке – повариха Тамара. И на её могучем плече, подобно пушистому эполету, восседал Пуш. В одной лапке он сжимал кусочек домашней колбасы, а другой указывал на огромный котёл с кашей, будто давая ценные указания по рецептуре.

«...вот и я говорю, – гремел радостный голос Тамары, – без души тут всё! Кисель протеиновый, каша витаминная! Я ему – Дениска, ты бы хоть соли попробовал добавить, а он мне – «Тамара Ивановна, соль является катализатором гипертензии и нарушает электролитный баланс». Ну, я ему тогда в компот лишней соли насыпала, пусть балансирует.

Пуш одобрительно фыркнул, и Тамара расхохоталась, потрепав его по голове. «А ты, я смотрю, ценитель! На, попробуй моих особых сырничков, с корицей! Только никому, это тебе, как иностранному специалисту!»

«Тамара Ивановна, доброе утро, – осторожно сказала Вероника. – Это мой... анализатор. Он вас не беспокоит?»

Тамара обернулась, и её лицо озарилось улыбкой. «А, хозяйка подошла! Не волнуйся, деточка, твой хорёк у меня теперь – зам по качеству и борьбе с занудством! А ты из тех, что с Дениской работать будешь? Бедняжка. – Она понизила голос. – Он у нас местный гений, но с приветом. Всё по граммам, по калориям, по своим этим графикам. Живёт на киселях да таблеточках. А ты знаешь, кто его по утрам в столовую за ручку приводит?»

В этот момент в дверь столовой заглянула маленькая, юркая женщина с ведром для швабры. Это была уборщица Зинаида. Увидев Пуша, она просияла. «О, а это кто у нас новый боец против пыли? Тамара, смотри, он чистюля! Следы от твоего киселя вчерашнего ещё на втором этаже, а он тут уже налаживает дипломатические отношения!»

«Зина, привет! Этот хитрец Дениске весь кисель на пол опрокинул вчера! – с восторгом сообщила Тамара.

Зинаида одобрительно закивала. «Так ему и надо! Молодец! А то ходит, нос воротит: «Зинаида Петровна, вы слишком ароматным средством пользуетесь, это может спровоцировать мигрень у персонала». Я ему – сынок, это не средство,

это сосновый экстракт! Лес, свежесть! А он мне статью из журнала про аллергены принёс. Ну, я ему тогда в вентиляцию его комнаты немного этого экстракта... для профилактики. Теперь там, как в тайге, только без медведей».

Вероника слушала, едва сдерживая смех. Пуш, похоже, нашёл здесь не просто еду, а родственные души и целую подпольную лигу сопротивления Денису. Он спрыгнул с плеча Тамары, подбежал к Зинаиде и начал тереться об её валенки.

«Ладно, специалист, – сказала Тамара, передавая Веронике два пирожка в салфетке. – На, с собой. И Максу передай. А то с Дениской ещё работать целый день, силы понадобятся. И не слушай его, если что. Он всё про «статистическую погрешность» да «методологические ошибки». У нас тут один техник, Митя, так тот с лумриком своим всякие схемы водит, и ничего, лучший специалист по настройке аппаратуры!»

Забрав сытого и довольного «зама по качеству и диверсиям», Вероника отправилась в Бюро. Макс уже ждал её у входа, мрачный как осенняя туча. «Мои инструменты под замком в камере хранения. Выдали «адаптированный набор БССЭ». – Он показал на пластиковый чемоданчик с тусклыми ключами и отвёртками. – Это всё равно что просить Рембрандта рисовать обугленной палкой на асфальте».

День начался с так называемого «совместного практикума по сравнительной эффективности». Лариса Петровна поручила Денису провести «слепой контрольный анализ».

«Цель, – объяснил Денис, не глядя на них, настраивая

свой интерфейс, – не в том, чтобы доказать или опровергнуть ценность ваших... эмпирических подходов. Цель – объективно зафиксировать степень их субъективности и ненадёжности по сравнению с машинным, воспроизводимым анализом».

Он говорил так, словно они были не коллегами из смежного учреждения, а дикарями, принёсшими на экспертизу странный, сомнительный ритуал.

Первый сон был простым, «радость от найденной монетки». Вероника справилась за секунды («медный привкус, солнечный блик, детский восторг»). Макс отметил «целостный, неискажённый сигнал». Данные Дениса совпали с их выводами на 90%. Денис лишь бросил: «Базовый уровень. С ним справится даже необученная нейросеть».

Второй сон был сложнее – «тревога перед экзаменом». Вероника поморщилась, уловив вкус несвежего кофе, пота и дрожащей бумаги. Макс выявил «хаотичные всплески в альфа-диапазоне, характерные для стресса». Денис, изучив распечатку, кивнул. «Совпадение в ключевых маркерах. Но ваши описания – «вкус пота», «дрожащая бумага» – это излишняя, ненаучная поэтизация. Машина даёт чистые данные: уровень кортизола, частота пульса, активация зон мозга, отвечающих за память».

«Зато сразу понятно, что человеку плохо, а не просто «уровень кортизола 5,2», – не удержалась Вероника.

«Понятно вам, – холодно парировал Денис. – А для си-

темного решения – например, разработки массовой терапии – нужны именно цифры. Ваш «вкус страха» ничего не даёт статистике».

Третий сон стал точкой кипения. Это был насыщенный, многослойный сон о возвращении в старый дом. Вероника погрузилась в него с головой, вылавливая ноты: пыль на половицах (вкус старого дерева и воска), запах яблочного пирога (тёплый, коричный), но также и привкус грусти, потому что дом пуст. Макс, покрутив регуляторы, сказал: «Структура сложная, много наслоений. Есть фоновый сигнал... очень чёткий, ритмичный. Не похожий на естественные мозговые волны. Как... метроном».

Денис несколько минут молча смотрел на свои графики. Потом поднял голову. «Машина фиксирует сложный эмоциональный профиль и... повторяющийся низкочастотный паттерн. Который, я уверен на 99.9%, является артефактом оцифровки или помехой из внешней сети. Вы же, – его взгляд скользнул по ним с выражением превосходства, – как обычно, ушли в субъективные переживания. «Грусть пустого дома». Это шаблон, Пендлтон. Это банальная психологическая проекция. Любой человек, знающий контекст «старый дом», выдаст подобное. Ваш метод не отделяет личное восприятие от реальных данных сна. Он в принципе не способен на это. Это не анализ. Это... литературное творчество на заданную тему с элементами самовнушения».

«Но паттерн есть и у вас! – настаивал Макс. – Почему вы

сразу списываете его на помехи?»

«Потому что бритва Оккама, Арефьев, – отрезал Денис, и в его голосе зазвучало раздражение. – Проще предположить сбой в аппаратуре, чем поверить, что в сон вшита некая «азбука Морзе для избранных». Ваше Бюро, с его атмосферой сказочного чердака и волшебными хорьками, поощряет такие фантазии. Вы играете в уютную мистику, пока мы занимаемся настоящей, сложной работой по систематизации сновиденческого опыта. И завтра, – он встал, отодвигая стул с резким скрипом, – я это наглядно продемонстрирую. Я подготовлю тест. Чистый, необработанный цифровой слепок сложного сна, лишённый любых подсказок. Мы посмотрим, сможет ли ваша «сенсорика» и его «техническая интуиция» – он кивнул на Макса – дать что-то, кроме расплывчатых метафор и смутных догадок. Или вы окончательно признаете, что ваши методы годятся разве что для развлечения на корпоративе, но не для серьёзной науки».

Он удалился, оставив после себя ощущение ледяного душа. Он не обвинял их в мошенничестве. Хуже того – он считал их методы наивным, бесполезным ребячеством, детской игрой в сравнении с его «взрослой» наукой.

Обед в столовой прошёл под сочувствующие взгляды Тамары и Зинаиды, которые, судя по всему, имели свою разветвлённую сеть информаторов. Пуш получил тройную порцию тушёной курицы «для поддержки боевого духа в борьбе с пиксельным чудовищем», как выразилась Тамара.

Во второй половине дня, согласно расписанию, была экскурсия в лабораторию технического обеспечения. Вот где, наконец, Вероника и Макс вздохнули с облегчением. Здесь пахло машинным маслом, озоном и... жизнью. В углу, среди серверных стоек, стояла уютная плетёная корзина, из которой доносилось мирное посапывание.

Лабораторией заведовал тот самый Митя. Это был круглолицый парень лет двадцати пяти в заляпанном мазутом и краской комбинезоне, с вечной улыбкой до ушей. Увидев гостей, он радостно помахал им разводным ключом.

«А, потерпевшие от королевского ледника! Добро пожаловать в единственное тёплое место в этом царстве цифрового абсолюта! Здесь мы оживляем железо!»

Из вентиляционной решётки над одним из серверов с лёгким шорохом вылезло и спрыгнуло вниз небольшое пушистое существо. Это был зверёк, напоминающий не то очень пушистую белку с огромными глазами, не то лемура. Его шерсть была дымчато-серой с серебристым отливом, а длинный, пушистый хвост заканчивался кисточкой, которая переливалась, как будто в неё вплетены светящиеся нити. Но самой примечательной деталью был ярко-красный вязаный шарфик, небрежно обмотанный вокруг его шеи.

«А это – Шарфик, мой главный наладчик и диагност, – с гордостью представил Митя, и зверёк вскарабкался ему на плечо, устроив хвостом вокруг шеи как вторую, живую муфту. – Находит слабые контакты, короткие замыкания и...

плохо спрятанные конфеты. Особый нюх на проблемы. И не любит Дениса. Тот как-то назвал его «антисанитарным явлением» и попытался составить на него акт о неучтённом биоресурсе».

Шарфик, услышав имя Дениса, издал тихое, похожее на стрекот неодобрительное «трр-трр-чик!» и спрятал мордочку в шарфик. Пуш, сидевший у Вероники на плече, мгновенно насторожился, его нос задрожал. Он прыгнул на пол и осторожно приблизился. Шарфик слез с плеча Мити и встретил его, встав на задние лапки. Произошёл ритуал взаимного обнюхивания, после чего Шарфик неожиданно ловким движением хвоста поддел Пуша за брюшко и легко усадил его себе на спину, как на пони. Пуш, казалось, был не против. Дружба была заключена.

«Вот видите! – радостно воскликнул Митя. – Нашёл общий язык! А вы какие способности-то проявляете? Говорят, на вкус сны определяете? Круто! Шарфик вот по запаху озо-на от платы может сказать, перегреется ли блок питания через час. И поскрипывание шестерёнок различает – от хорошего труда или от поломки. Почти то же самое!»

Шарфик, покатав Пуша по лаборатории, ловко прыгнул на верстак, подошёл к Веронике и, прищулив свои огромные янтарные глаза, протянул ей лапку. В лапке была смятая фольга от шоколадки. Вероника автоматически взяла её. И тут же почувствовала на языке слабый, но знакомый привкус – не шоколада, а... мёда и старой, доброй усталости. Это был

крошечный, занесённый с фольгой сон-обрывок, вероятно, упавший с чьей-то рабочей куртки.

«Он... коллекционер?» – удивлённо спросила Вероника.

«Собиратель! – поправил Митя, подмигнув. – Собирает всё, что пахнет «сильно». Эмоциями, статикой, историей вещи. Иногда его коллекция очень помогает найти корень проблемы. А шарфик ему связала Зинаида, между прочим. Говорит, чтобы не простудился в этих вентиляциях. И чтобы Денису мозги не выносил – красный цвет, мол, раздражает его педантичное восприятие, нарушает цветовой баланс рабочего пространства».

Шарфик, довольный произведённым эффектом, стремительно юркнул под верстак, откуда сразу же донёсся звук покотившейся гайки и довольное стрекотание.

Митя оказался тем глотком свежего воздуха, который им был так нужен. Он водил их между станками, показывал настоящие «раны» аппаратуры и шептал: «Знаете, а ведь иногда сканеры цепляют не только сны... Бывает, какая-нибудь посторонняя вибрация, ритм... особенно на старых лентах. Денис всё это вычищает фильтрами как «информационный шум». А мне интересно. Шарфик на такие штуки носом ведёт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.